ПОЭТИКА

DOI 10.37386/2305–4077–2022–1–31–42

Е.А.Капустина[1]

Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова

В.Ф.Стенина[2]

Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова

«MONSTRE», «МЕДВЕЖОНОК», «МЕДВЕДЬ»: К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОЙ ТЕКСТОМЕТАФОРЫ

В статье выявляется семантика и функционирование текстометафоры «медведь» в эпистолярии русских писателей XIX века. Идиома «продавать (делить) кожу (шкуру) неубитого медведя» встречается в эпистолярии А.С.Пушкина, И.А Гончарова, Ф. М. Достоевского, репрезентируя метафоры «писатель – охотник», «рукопись – медведь». В эпистолярии И.С.Тургенева эти метафоры трансформируются под влиянием эмблематики, которой увлекался писатель, и отсылают к легенде эпохи Возрождения о медведице, вылизывающей новорожденного медвежонка. В эпистолярии А.П.Чехова метафора находит продолжение, выявляя связь А.П.Чехова с цыганом-поводчиком, с пушкинским Алеко, в пределе со скоморохом, развлекающим публику, и связь его пьесы-шутки с медведем. В дочеховском эпистолярии указанная метафорика связана с процессом текстопорождения, тогда как у А.П.Чехова через эту метафорику описывается связь писателя-драматурга с продуктом своей генерации в посттворческий период.

Ключевые слова: русская литература, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, эпистолярий, творческий процесс, авторефлексия, метафорика

E.A.Kapustina

Polzunov Altai State Technical University

V.F.Stenina

Polzunov Altai State Technical University

«MONSTRE», «BEAR CUB», «BEAR»: TO THE RECONSTRUCTION OF A TEXT METAPHOR

The article reveals the semantics and functioning of the text-metaphor “bear” in the epistolary genre of Russian writers of the 19th century. The idiom “to sell (share) the skin before one has shot the bear” is found in the epistolary works of A.S.Pushkin, I. A. Goncharov, F. M.Dostoevsky, representing the metaphors “writer – hunter”, “manuscript – bear”. In the epistolary works of I.S.Turgenev, these metaphors are transformed under the influence of

[1] Евгения Александровна Капустина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).

[2] Виктория Федоровна Стенина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного технического университета им. И.И.Ползунова (Барнаул).

emblematics, which the writer was fond of, and refer to the Renaissance legend about a she-bear licking a newborn cub. In A. P. Chekhov's works the metaphor unexpectedly finds a continuation, revealing the connection between A. P. Chekhov with a gypsy-leader, Pushkin's Aleko, to the limit with a buffoon entertaining the audience, and the connection of his play is a joke with a bear. In the pre-Chekhov epistolary, this metaphor is associated with the process of text generation, while A. P. Chekhov describes the connection between the writer-playwright and the product of his generation in the post-creative period through this metaphor.

Key words: Russian literature, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov, epistolary works, creative process, autoreflection, metaphor

Эпистолярий, находясь на границе документального и художественного, жизни и текста, реальности и вымысла, выполняет функцию метатекста, репрезентирует мировоззрение автора, его творческий процесс, поэтому корреспонденция писателя – отправная точка любого исследования. Однако в последнее время появились работы, в которых предпринято описание метафорической составляющей[3] писательского эпистолярия. Подобные исследования позволяют воссоздать механизмы текстопорождения, осмысленные и зафиксированные самим писателем. Это генерирует персоносферу автора, его реальную и мифологизированную биографию в историко-культурной перспективе.

В русском литературном обиходе, начиная с А. С. Пушкина, устойчивым оборотом при обсуждении еще незавершенного дела становится идиома «продавать (делить) кожу (шкуру) неубитого медведя». Выражение отсылает к басне «Медведь и два товарища» Жана Лафонтена и практически дословно приводится Пушкиным в письме М. П. Погодину (1832) [Пушкин, 1948, Т. XV, с. 27], где речь идет о разрешении царя издавать поэту политическую газету[4].

Позднее это выражение используют в переписке И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский в аналогичных ситуациях, обсуждая публикации своих еще незавершенных произведений.

Так, в 1857 году Гончаров в переписке с Катковым, обсуждая предполагающееся издание «Обломова», замечает: «…я обещать не люблю, когда дело мною не кончено, т. е. не люблю запродавать шкуры на живом медведе» [цит. по: Цейтлин, 1950, с. 160].

Достоевский, улаживая свои издательские дела, писал А. Н. Майкову (1869): «<…> на продавание шкуры, не убив медведя <…> у<ведомил> письмом, что кончил и выслал» [Достоевский, 1986, Т. XXIX, кн.1, с. 87].

Медведь – метафора рукописи и в эпистолярии И. С. Тургенева: «Существует русская пословица, которая гласит, что с одного медведя двух шкур не дерут, особенно ежели этот медведь еще не убит. Однако вы получите медведя или, иначе говоря, рукопись, которая, надеюсь, не окажется медведем, в четверг» [Тургенев, 1989, Т.VI, с. 208–209].

---

[3] См. работы: [Акимова, 2015], [Еськова, Петров, 2017]. Особенно любопытной представляется реконструкция библиометафорики в работах [Проданик, 2019, 2020].

[4] Выражение означает «предвосхищать результаты дела». Аналог поговорки «Не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь». Политическая газета, которую планировал издавать Пушкин и тем самым разрушить монополию Греча и Булгарина, в действительности оказалась «кожей неубитого медведя». См. об этом: [Пиксанов, 1907, с. 30–74].

Процитированная Тургеневым в письме Жюлю Этцелю (февраль 1865) якобы русская пословица на деле является контаминацией двух разных пословиц: «С ободранного шкуру дерет. (С одного вола две шкуры дерет)» [Пословицы, 1989, Т. 1, с. 110] и, упомянутой уже, «Продавать шкуру неубитого медведя». Первая русская народная пословица зафиксирована В.И.Далем, а вот вторая заимствована из басни «Медведь и два товарища» Жана Лафонтена. Ее русский аналог также можно найти в собрании В.И.Даля: «Медведь в лесу, а шкура продана» [Пословицы, 1989, Т. 1, с. 239]. Однако тургеневский каламбур «медведь – рукопись, которая не окажется медведем» – это не оговорка / описка / ошибка, как в случае с пословицами, а каламбур с символичным удвоением.

На первый взгляд идентификация «медведь – рукопись» отсылает к фразеологизму «Продавать шкуру неубитого медведя» из лафонтеновской басни. Однако здесь актуализирована не охотничья, а иная семантика, связанная с текстопорождением. Так, договариваясь с Морицем Гартманом о переводе романа «Дым» на немецкий язык, Тургенев пишет: «… но, быть может, я решусь сделать усилие и пошлю вам так называемую «monstre» – основный перевод на немецкий язык, и вам придется тогда подстричь и причесать этого медведя» [Тургенев, 1990, T.VII, с. 283]. Этот фрагмент письма отсылает к эмблеме «Купидон и медведь, лижущий своего медвежонка» (см. Приложение) с надписью «Мало-помалу» и восходит через Иероглифику Гораполлона к известной легенде эпохи Возрождения о медведице, вылизывающей новорожденного медвежонка и тем самым якобы придающей ему окончательную форму. Это становится символом искусства, которое формирует и гармонизирует костную природу [Соколов, 2000, с. 131]. Эмблема входит в книгу «Символы и эмблемы» Н.М.Максимовича-Амбодика (СПб., 1911) и упоминается в романе «Дворянское гнездо», а потому хорошо была известна Тургеневу, так как издания 1809 или 1811 годов хранились в библиотеке Спасского-Лутовинова[5].

Значение второй части тургеневского каламбура с «двумя медведями», в котором обыгрываются разные значения слова «медведь», может быть интерпретировано по-разному. «Медведь – рукопись, которая не окажется медведем», как у купцов, плохим, не востребованным товаром и здесь может быть актуализировано значение медведь – «залежавшийся товар, не идущий с рук» [Даль, 1979, Т. 2, с. 311]. Еще одно значение связано с идиоматическим выражение «пахнуть медведем» и соответственно «вызывать отвращение». В одном из писем к Полине Виардо Тургенев по секрету называет либретто-оперы-балета Гедеонова «медведем самых чистых кровей» [Тургенев, 2002, Т. XIII, с. 81]. Выражение «самых чистых кровей» в переносном значении означает обладающее самыми характерными признаками «медведя». В другом признается, что название оперы «Кровавая монахиня» Ш.Гуно на либретто Э.Скриба и Ж.Делавиня по роману Г.Льюиса «Монах» кажется ему «весьма скверным и за версту отдающим медведем» [Тургенев, 1987, Т. II, с. 418]. Тургеневское выражение «отдающим медведем»

[5] См. статью [Капустина, 2008].

интерполирует одоризмы «плохо пахнуть», «вонять» и отсылает к идиоме «пахнуть медведем», что означает пренебрежительный отзыв о чем-либо, вызывающем отвращение[6].

Таким образом, появившись в эпистолярии А.С.Пушкина, идиома «продавать (делить) кожу (шкуру) неубитого медведя» впоследствии встречается в письмах И.А Гончарова, Ф. М. Достоевского. Употребление одного и того же фразеологизма указывает на типологическую общность, репрезентируя метафоры «писатель – охотник», «рукопись – медведь». Творческий акт уподобляется разделыванию медведя, результатом которого становится шкура / кожа – аналог готового текста. Однако в эпистолярии И.С.Тургенева появляется идентификация «русский писатель – медведь», а «рукопись соотносится с «monstre», «медвежонком». Медвежьи атрибуты, в частности медвежья шкура, также становятся знаками творчества. В письме к Полине Виардо Тургенев описывает «поиск музыкальной идеи» французским композитором Шарля-Франсуа Гуно: «А сейчас он в родовых схватках корчится на медвежьей шкуре; в своей работе он обнаруживает упорство и стойкость, которые меня восхищают» [Тургенев, 1986, Т. II, с. 337].

Неожиданное продолжение идентификация «медведь – рукопись» нашла в эпистолярии Чехова 1888–1889 гг., правда несколько в модифицированном виде: отождествление пьесы-шутки «Медведь»[7] с медведем. Если в «дочеховском» эпистолярии указанная метафорика связана с процессом текстопорождения, то у А.П.Чехова через эту метафорику описывается связь писателя-драматурга с продуктом своей генерации в посттворческий период.

В начале чеховской переписки сопоставление пьесы-шутки с медведем обусловлено ироничной манерой писателя – использованием приёма метонимии при обозначении целого по его части. В ходе переписки такая манера закрепляется в тексте, и водевиль «Медведь» воспринимается живым существом. Так, в деловой переписке адресат понимает, что Чехов ведет речь о пьесе по кавычкам («теперь о “Медведе”», «Медведь») и в отдельных случаях по ее определениям («шутка “Медведь”», «безделка “Медведь”», «водевиль»). В остальных случаях Чехов пишет о водевиле как о живом существе («моего Медведя», «послать “Медведя” в Александринку») в присущей ему игровой манере, подключая различные мифологические и литературные контексты.

В письме А.С.Суворину 1889 года он пишет о полученном гонораре за «Иванова» и «Медведя», сравнивая себя с цыганом: «Цыган не заработает того живым медведем, что я заработал дохлым. 500 рублей дал мне зверь» [Чехов, 1976, Т. III, с. 171–172].

Параллели Чехов / цыган, живой / дохлый медведь отсылают к медвежьим потехам и обряду «вождение медведя» в святочных и масленичных ряже-

[6] См. о значение фразеологизма «Пахнет медведем». – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/30699/Пахнет

[7] В феврале 1888 года А.П. Чеховым была написана пьеса-шутка «Медведь», а в октябре 1888 года пьеса впервые была поставлена в театре Корша.

ниях [Болонев, 2000, с. 34]. В России на ярмарочных развлечениях были популярны медвежьи комедии – один из народных промыслов, просуществовавший до 1866 года. С этим промыслом связана профессия поводчика – разновидность профессии медведчика. В XIX веке функцию поводчика – поводыря-дрессировщика медведя в ярморочных представлениях – выполнял цыган, а «первыми медвежьими поводырями были, скорее всего, бродячие скоморохи» [Некрылова, 1984, с. 36].

Аналогия Чехова с цыганом-поводчиком, в пределе со скоморохом, развлекающим публику, скорее всего, связана с дружеским шаржем «Чеховский “Медведь” в театре Корша, с г. Соловцовым в главной роли», опубликованном в 1889 году в еженедельнике «Осколки». На ней Чехов водит на цепи медведя с головой Соловцова. Однако мотив медвежьей потехи появляется у Чехова гораздо раньше, уже в письме к А.Н.Плещееву он рассказывает (1988): «Я послал Жану Щеглову свою безделку “Медведь” для представления его в “палату венецианских дожей” – так у Вас в Питере величают Театральный комитет, где Вы заседаете» [Чехов, 1976, Т. III, с. 64–65].

Со- противопоставление себя с цыганом ассоциируется с пушкинским Алеко, эксплицируя оппозицию «свой/чужой» через сходство с цыганом и в тоже время различие. Чехов, как и пушкинский Алеко, зарабатывающий, как цыган, им не является. Лаконичная оговорка о деньгах – «Запер их в стол» [Чехов, 1976, Т. III, с. 171–172] – свидетельствует о нежелании зарабатывать «скоморошничеством», о сложности взаимодействия с театральной средой, о чуждости этой среде. Это во многом подтверждает ироничный контекст писем, в частности высказывания о театре, о репертуаре, о себе.

Так, высказываясь о театре, Чехов сравнивает его с эшафотом («Вы хотите спорить со мной о театре. Сделайте Ваше одолжение, но Вам не переспорить моей нелюбви к эшафотам, где казнят драматургов. Современный театр – это мир бестолочи, Карповых, тупости…» [Чехов, 1976, Т. III, с. 65–66]), а репертуар – со зверинцем («“Воробей”, “Серенький козлик”, “Крокодиловы слезы”, “Мышонок”, “Медведь”, “Вольная пташка” – какой зверинец!» [Чехов, 1976, Т. III, с. 65–66]). Не без самоиронии Чехов пишет и о себе, как о популярном водевилисте: «Я сделаюсь популярным водевилистом? Эка, хватили! Если во всю свою жизнь я с грехом пополам нацарапаю с десяток сценических безделиц, то и на том спасибо. Для сцены у меня нет любви. “Силу гипнотизма” я напишу летом – теперь не хочется. В этот сезон напишу один водевильчик и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?» [Чехов, 1976, Т. III, с. 50–51]).

Денежный мотив становится основным в «медвежьей» переписке Чехова, что позволяет писателю посетовать на то, что «“Медведя” следовало назвать “Дойной коровой”» и признаться, что «за своих “Медведей” мне стыдно, за премию – тоже стыдно, театра я не люблю…» [Чехов, 1976, Т. III, с. 136–137]. Ярмарочная забава – вождение медведя – становится для писателя прибыльным, но нелюбимым предприятием.

Параллель Чехов / Потемкин в переписке с И.Л.Леонтьевым (Щегловым) в ноябре 1888 года также связана с «удачливостью» писателя. В одном из писем И.Л.Леонтьев писал: «Padre <Плещеев> утверждает, что *Вашу* пьесу Потехин поставит и без бенефиса. Радуйтесь, Вы, Потемкин Вы эдакий! Это не то, что мы, грешные, третий год дожидающиеся своей очереди на пороге Александринки с “Господами театралами”» [Чехов, 1976, Т. III, с. 352]. На что Чехов отвечал: «Зачем Вы дразните меня Потемкиным? В своем потемкинстве я пока не вижу ничего, кроме труда, утомленья и безденежья да скуки громаднейших размеров. <…> Что ж тут завидного, и похож ли я на Потемкина?» [Чехов, 1976, Т. III, с. 73–74].

Идентификация инспирирована удачливостью и связью обоих с крымским топосом. Вместе с тем, это сравнение предвосхищает шарж «Чехов с медведем», опубликованный в «Осколках» (1889). Обоих «фаворитов» связывают не только удачливость и Крым, но и медвежья тема. Шарж, изображающий вождение Чеховым медведя, удивительным образом рифмуется с политической гравюрой Уильяма Холланда «The Russian Bear and Her Invincible Rider Encountering the British Legion» («Русская Медведица и ее неукротимый наездник, атакующие Британский легион») на Г.Потёмкина и Екатерину II, опубликованной в Англии в 1791 году[8] (см. Приложение).

Продолжение потемкинской удачливости появляется и в письме А.Н.Плещееву от 10 ноября 1888 г.: «Мой “Медведь” в Москве идет с большим успехом, хотя медведь и медведица играют неважно» [Чехов, 1976, Т. III, с. 64–65]. Успех пьесы, несмотря на неважную игру актеров, воспринимается как незаслуженная удача. Название водевиля переносится на шуточные номинации актеров, бездарно играющих в нем.

Сообщая Н.А.Лейкину об успешной премьере шутки «Медведь», Чехов замечает: «По всем видимостям, Медведь прилипнет к репертуару, а в провинции и на любительских сценах его будут часто разделывать» [Чехов, 1976, Т. III, с. 56–57]. Писатель прогнозирует дальнейший успех пьесы, продолжая медвежий текст: фраза «прилипнет к репертуару» – намёк на липкость мёда и его сладость.

Согласно античной традиции мёд реализует тему плодородия, с одной стороны, и вдохновения – с другой. В чеховских письмах о водевиле-шутке медвежья тематика тесно связана с прибылью и авторскими гонорарами. Это обозначено и в продолжении фразы: «его будут часто разделывать» на сцене. Охотничья семантика разделывания шкуры / добычи инспирирует ситуацию удачной охоты и получения прибыли. Разделывание медведя напрямую отсылает к «медвежьему

[8] Серии английских политических гравюр конца XVIII века, основными персонажами которых стали императрица Екатерина II и князь Г.А. Потемкин, является следствием политического кризиса в отношениях двух стран. Указанная гравюра, с одной стороны, издевательская репрезентация «амазонского мифа», связанного с Екатериной II-Фалестрой, с другой стороны, инверсия бродячего сюжета «баба верхом на мужике» времен Средневековья, восходящего к античной басне про Аристотеля и Филиду. Исследователи указывают, что в гравюрах акцентировались следующие аспекты: sexual licentiousness Екатерины, намек на убийство Петра III, русская дикость и stupid ignorance. См.: [Россомахин, Хрусталев, 2007, с. 44-45], [Проскурина, 2006], [Казимова, 2012, с. 13-40].

празднику» – охотничьему культу, суть которого в ритуальном действии – разделывание туши, сопровождаемом «медвежьими песнями» [Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов», 2002, с. 3]. Постановка пьесы соотносится с разделыванием добычи (медведя), а ее «жизнь» на сцене второстепенных театров («провинциальные и любительские сцены») коррелирует с прибылью от разделанной добычи. «Разделывание медведя» – метафора творческого процесса и одновременно успешного предприятия.

В письме А.С.Суворину в обсуждении актрисы на главную роль в пьесе («Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т.е. за весть о ней. Я думаю, она отлично разделала бы медведицу» [Чехов, 1976, Т. III, с. 352]) появляется наложение смыслов. С одной стороны, успешная игра актрисы на сцене идентична «разделыванию шкуры» и становится частью ритуального действа (охоты), с другой – процесс разделывания уподобляется актерской игре и творческому процессу.

В письме И.Л.Леонтьеву от 02 ноября 1888 г. Чехов пишет: «После первого представления случилось несчастье. Кофейник убил моего медведя. Рыбчинская пила кофе, кофейник лопнул от пара и обварил ей всё лицо. Второй раз играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уехала в Питер, и, таким образом, мой пушной зверь поневоле издох, не прожив и трех дней» [Чехов, 1976, Т. III, с. 50–51]. Здесь аллюзия на охотничью семантику. Пьеса, поставленная на сцене, как добыча автора («пушной зверь»). Медведь – жертва, тогда как автор выступает в роли неудачливого охотника.

Спустя 2 года после премьеры «Медведя», в 1890 г. в письме И.Л.Леонтьеву (Щеглову) вновь появляется медвежья тема и отсылка к охотничьему тексту: «Если на Сахалине не съедят медведи и каторжные, если не погибну от тифонов у Японии, а от жары в Адене, то возвращусь в декабре и почию на лаврах, ожидая старость и ровно ничего не делая» [Чехов, 1975, Т. IV, с. 38]. Здесь охотник и добыча меняются местами – в роли жертвы сам автор. Встреча с медведем, наряду с другими экзотическими и опасными делами, – часть ритуального действия, итог которого либо гибель, либо «почию на лаврах».

Обыгрывая экзотическую поездку, Чехов дальше в письме заявляет: «Не хотите ли поехать вместе? Будем на Амуре пожирать стерлядей, а в де Кастри глотать устриц, жирных, громадных, каких не знают в Европе; купим на Сахалине медвежьих шкур по 4 р. за штуку для шуб, в Японии схватим японский <…>, а в Индии напишем по экзотическому рассказу или по водевилю <…> и т.п. Поедем!» [Чехов, 1975, Т. IV, с. 38]. Покупка медвежьих шкур – знак шикарной экзотической жизни, медвежья шуба соотносится с другими маркёрами богатства: со стерлядями и устрицами. Идиома «разделывать медведя», развернутая в письмах о пьесе «Медведь», здесь реализуется ситуативно в 2 этапа: ритуальные и охотничьи коннотации заявлены с помощью медвежьих шкур, а семантика творчества и творческого процесса – созданием рассказа или водевиля.

Медвежий текст в чеховских письмах обнаруживает двойную семантику. На одном полюсе сладость мёда и «прилипание» удачливости, успеха предприятия, что тесно связано с вдохновением и творчеством. На другом – мотив жертвенности, репрезентирующий ситуацию провала и творческой неудачи.

Таким образом, текстометафора «медведь» в эпистолярии русских писателей XIX века реализует различные смыслы. В письмах А.С.Пушкина, И.А. Гончарова и Ф.М.Достоевского идиома «продавать (делить) кожу (шкуру) неубитого медведя» употребляется в переносном значении как «незавершенное дело». Однако символичным становится то, что в переписке И.А.Гончарова и Ф.М.Достоевского она употребляется при обсуждении рукописей еще неопубликованных произведений, в подтексте репрезентируя аналогии «писатель – охотник», «рукопись – медведь» и уподобляя творческий акт ритуальному разделыванию медведя, результатом которого становится шкура / кожа – аналог готового текста.

В корреспонденции И.С.Тургенева медведь идентифицируется с писателем, а рукопись с «monstre», «медвежонком». Интерпретация И.С.Тургеневым «медвежьей» образности обусловлена не идиоматическим выражением «продавать (делить) кожу (шкуру) неубитого медведя», отсылающей к нарочито охотничьим коннотациям, а – эмблематикой и легендой эпохи Возрождения о медведице, вылизывающей новорожденного медвежонка. Вместе с тем, невзирая на разные смыслы, медведь является основной семой в описаниях собственного процесса текстопорождения и идентифицируется с рукописью, незаконченным текстом.

В чеховском эпистолярии медвежий текст появляется в связи с одноименной шуткой-водевилем, что продолжает предшествующую традицию. Вместе с тем у А.П.Чехова медведь идентифицируется не с рукописью, а уже с готовым текстом и отправной точкой этой идентификации становится название пьесы-шутки. Через медвежью метафорику «драматург», «цепь», «медведь», «мед» А.П.Чеховым описывается связь писателя-драматурга с продуктом своей генерации в посттворческий период. Это обусловлено жанровой природой драмы, творческая история которой начинается только после ее написания. Чеховская корреспонденция показывает «рождение» драмы через ее сценическую историю, которая собирается воедино. По ходу переписки А.П.Чехова с различными адресатами «Медведь» обрастает упоминаниями, замечаниями, сравнениями, интересными фактами, аллюзиями, смешными анекдотами. Эмблемой этого «текста» становится уже упомянутая карикатура, архетипы которой – пушкинский Алеко, медвежьи поводчики, скоморохи и медведь на цепи. Многочисленные умолчания, намёки и ирония позволяют считать эту эмблему, обыгранную в переписке и самим А.П.Чеховым, не чем иным, как изображением искусства вообще. В связи с этим медвежьи номинации получает и сценическая кухня, и игра актёров, и театральная среда. История о «Медведе», сгенерированная в переписке, становится итогом авторской рефлексии не только о водевиле «Медведь», собственном творчестве, но и о театре, театральном искусстве и о своем месте в нем.

Таким образом, эмблематический образ медведя получает у А.П.Чехова более широкое толкование: «monstre», «медвежонок», «медведь» – не столько рукопись и текст, сколько театр, театральная постановка вообще и искусство в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова, Т. П. Специфика употребления метафор и сравнений в писательском эпистолярии XIX–XX вв. (на материале единиц, обозначающих литературный труд) / Т.П.Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 143–150.

Болонев, Ф. Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем / Ф.Ф.Болонев, Е. Ф. Фурсова // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии, 2000. – С. 31–38.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка; в 4 т. / В.И.Даль. – Москва: Русский язык, 1978–1980.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М.Достоевский. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.

Еськова, А. С. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не) счастья» в письмах Н.М.Карамзина И.И.Дмитриеву / А.С.Еськова, А. В. Петров // Мировая литература глазами современной молодежи: Сборник материалов III международной студенческой научно-практической конференции / науч. ред. С.В.Рудакова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И.Носова, 2017. – С. 196–203.

Казимова, Г. А. К вопросу о происхождении и идеологическом функционировании идеологической метафоры «Россия как медведь» / Г.А.Казимова // Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика: Сборник научных и научно-методических трудов. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 13–40.

Капустина, Е. А. Эмблематика в романе И.С.Тургенева «Дворянское гнездо» / Е.А.Капустина // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2008. – № 8–2. – С. 132–137.

Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов»: Сборник научных статей / Под ред. Т.А.Молдановой, А. Д. Каксина. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 144 с.

Некрылова, А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII-начало XX века / А.Ф.Некрылова. – Ленинград: Искусство, 1984. – 189 с.

Пиксанов, Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) / Н.К.Пиксанов // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – Санкт-Петербург, 1907. – Вып. 5. – С. 30–74.

Пословицы русского народа: Сборник В.И.Даля: в 2 т. Т. 1. – Москва: художественная литература, 1989. – 431 с.

Проданик, Н. В. Метафора «книга-пища» в письмах, дневниках и воспоминаниях декабристов: семантические варианты и аксиологическая градация / Н.В.Проданик // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2019. – № 19. – С. 62–74.

Проданик, Н. В. Феномен чтения в русской литературе и культуре 1800–1830-х гг. и метафоры «книга-друг», «книга-собеседник» / Н.В.Проданик // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2020. – № 22. – С. 58–71.

Проскурина, В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II / В.Ю.Проскурина. – Москва: НЛО, 2006. – 322 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. / Ред. М.Горький и др. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Россомахин, А.А. Русская Медведица, или Политика и похабство / А.А.Россомахин, Д. Г. Хрусталев**.** – Санкт-Петербург: Красный Матрос, 2007. – 72 с.

Соколов, М. Н. Медведь / М.Н.Соколов // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. II. / Гл. ред. С.А.Токарев. – Москва: БРЭ, 2000. – С. 131.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. / гл. ред. М.П.Алексеев – Москва: Наука, 1978–2014.

Цейтлин, А. Г. И.А.Гончаров / А.Г.Цейтлин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1950. – 492 с.

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. – Москва: Наука, 1974–1983.

REFERENCES

Akimova, T. P. Specifika upotrebleniya metafor i sravnenij v pisatel'skom epistolyarii XIX–XX vv. (na materiale edinic, oboznachayushchih literaturnyj trud) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2015. – № 3 (98). – S. 143–150.

Bolonev, F. F. Kul't medvedya v verovaniyah krest'yan Sibiri v proshlom i nastoyashchem / F.F.Bolonev, E. F. Fursova // Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnih i sovremennyh kul'turah Sibiri. – Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii, 2000. – S. 31–38.

Cejtlin, A. G. I.A.Goncharov / AN SSSR. IMLI im. A.M.Gor'kogo / A.G.Cejtlin. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 492 s.

Chekhov, A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M.Gor'kogo / A.P.Chekhov. – Moskva: Nauka, 1974–1983.

Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V.I.Dal'. – Moskva: Russkij yazyk, 1978–1980.

Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. / AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972–1990.

Es'kova, A. S. «CHasto zdes' v yudoli mrachnoj slezy l'yutsya iz ochej»: liricheskij «metatekst (ne)schast'ya» v pis'mah N.M.KaramzinaI.I.Dmitrievu / A.S.Es'kova, A. V. Petrov // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi: Sbornik materialov III mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / nauch. red. S.V.Rudakova. – Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G.I.Nosova, 2017. – S. 196–203.

Kazimova, G. A. K voprosu o proiskhozhdenii i ideologicheskom funkcionirovanii ideologicheskoj metafory «Rossiya kak medved'» / G.A.Kazimova // Anglijskij yazyk na gumanitarnyh fakul'tetah: teoriya i praktika: Sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskih trudov. – Moskva: MAKS Press, 2012. – S. 13–40.

Kapustina, E. A. Emblematika v romane I.S.Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo» / E.A.Kapustina // Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2008. – № 8–2. – S. 132–137.

Materialy V Yugorskih chtenij «Medved' v kul'ture obsko-ugorskih narodov»: Sbornik nauchnyh statej / Pod red. T.A.Moldanovoj, A. D. Kaksina. – Hanty-Mansijsk: GUIPP «Poligrafist», 2002. – 144 s.

Nekrylova, A. F. Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha: Konec XVIII-nachalo XX veka / A.F.Nekrylova. – Leningrad: Iskusstvo, 1984. – 189 s.

Piksanov, N. K. Nesostoyavshayasya gazeta Pushkina «Dnevnik» (1831–1832) / N.K.Piksanov // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya / Komis. dlya izd. soch. Pushkina pri Otd-nii rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk. – Sankt-Peterburg, 1907. – Vyp. 5. – S. 30–74.

Poslovicy russkogo naroda: SbornikV.I.Dalya: v 2 t. T.1. – Moskva: hudozhestvennaya literatura, 1989. – 431 s.

Prodanik, N. V. Metafora «kniga-pishcha» v pis'mah, dnevnikah i vospominaniyah dekabristov: semanticheskie varianty i aksiologicheskaya gradaciya / N.V.Prodanik // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2019. – № 19. – S. 62–74.

Prodanik, N. V. Fenomen chteniya v russkoj literature i kul'ture 1800–1830-h gg. i metafory «kniga-drug», «kniga-sobesednik» / N.V.Prodanik // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2020. – № 22. – S. 58–71.

Proskurina, V. Yu. Mify imperii: Literatura i vlast' v epohu Ekateriny II / V.Yu.Proskurina. – Moskva: NLO, 2006. – 322 s.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937: V 16 t. / Red. M.Gor'kij i dr. / A.S.Pushkin. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

Rossomahin, A. A. Russkaya Medvedica, ili Politika i pohabstvo / A.A.Rossomahin, D. G. Hrustalev. – Sankt-Peterburg: Krasnyj Matros, 2007. – 72 s.

Sokolov, M. N. Medved' / M.N.Sokolov // Mify narodov mira. Enciklopediya: v 2 t. – T. II. / Gl. red. S.A.Tokarev. – Moskva: BRE, 2000. – S.131.

Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma. V 18 t. / gl.red. M.P.Alekseev / I.S.Turgenev. – Moskva: Nauka, 1978–2014.

Приложение

Эмблема «Купидон и медведь, лижущий своего медвежонка» из книг «Символы и эмблемы» Н.М. Максимовича-Амбодика (СПб., 1911). – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01002988105?page=284&rotate=0&theme=white

Чеховский «Медведь» в театре Корша... из еженедельника «Осколки» (1889). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Медведь_(пьеса)

Политическая гравюра Уильяма Холланда «Русская Медведица и ее неукротимый наездник, атакующие Британский легион» на Г. Потёмкина и Екатерину II (1791) // [Россомахин, Хрусталев, 2007, с. 44-45], [Проскурина, 2006], [Казимова, 2012, с. 13–40].